

ОБ ИСТОКАХ СМЕХА

Смех – одно из специфически человеческих проявлений жизни сознания. Сознательными в узком смысле слова считаются только феномены, смысл которых прозрачен человеку, которые можно назвать, определить, объяснить, указать на их причину и цель раньше свершения. Природа смеха может описываться в указанных пределах, но явно ими не исчерпывается. Даже если рассматривать смех как автоматическую реакцию человека, т.е. как реакцию, бывшую раньше сознательной и от частого повторения ставшую привычной, то все же она происходит так быстро, что ее осознание отстает. Этот факт приводит нас к необходимости обратиться к пониманию сознания в более широком смысле, где в поле зрения оказываются такие события душевно-духовной жизни как чувства, эмоции, воля, ум, мышление, рассудок, интеллект, разум, интуиция... Указанные проявления душевно-духовной жизни развиты и структурированы в жизни разных людей неодинаково, что внешним образом обнаруживается в их поведении, в том числе и в актах смеха.

Специфика философского рассмотрения смеха обусловлена тем, что в качестве предмета рассмотрения принимается то, характерно для сознания обычного (в кантовском смысле) человека. Иначе говоря, то, что может быть представлено как феномен сознания. Вся история философии представляет собой поэтапное приближение к тому, что наиболее точно было обозначено Э.Гуссерлем в качестве задачи феноменологии. Исторические же результаты осмысления тех или иных проблем были обусловлены всегда конкретной концепцией и соответствующими методами. Но общим было то, что все, связанное с жизнью человеческого сознания, восстанавливалось посредством внимательного изучения его конкретных проявлений, в том числе и способности смеяться. Определяющим аспектом философского дискурса является гносеологический, идет ли речь об исследовании процесса познания и его структуры, или применяются результаты познания для осмысления этического, эстетического, политико-правового, художественного или религиозного отношения человека к миру, каждое из которых имеет не только общезначимые параметры, но и содержит уникальный, неповторимый опыт индивида. Смеховые формы культуры историчны и общезначимы, но чувство юмора индивидуально и неповторимо, и в этом состоит трудность изучения последнего.

Люди, обладающие чувством юмора, улавливают любую односторонность человеческих форм самовыражения, в том числе и познавательно-этического, в меру его ограниченности только внешним проявлением и указывают на то невидимое и незнаемое, происходящее за спиной отдельного человека, что может сделать смешной его жизнь и его познавательно-этические претензии. Маленький человек на большом фоне мира, маленькое знание и уверенность в этом знании на фоне бесконечного и безмерного незнания. Уверенность в своей значимости и исключительности рядом с такою же уверенностью других людей – этот фон может выступать условием для разоблачения смехом. Монологическое сознание, которое не имеет в себе ничего трансгредиентного, невосприимчиво к смеху. Ситуация, порождающая смех, предполагает выход за пределы монолога, предполагает два несовпадающих сознания. Другое сознание или же сознание другого человека может переживаться как избыток собственного видения по отношению к другому человеку, что можно выразить в понятиях «я-для-себя» и «другой-для-меня».

Смех может выполнять коммуникативную функцию при встрече с другим человеком, выражая внешним образом понимание или непонимание другого сознания. Постигание другого человека предполагает способность увидеть его внутренний мир, способность как бы стать на его место. Но чистое вживание в мир другого, требующее потери собственного места вне другого, практически невозможно. На практике происходит понимание как интерпретация, где поведение другого человека, как правило, подводится под образы и

понятия собственного сознания. То же, что в поведении другого не нашло объяснения, может вызывать иррациональную реакцию, обусловленную ценностными ориентирами субъекта восприятия, а именно, удивления, восхищения, испуга, подозрения, любви, страха и...смеха. Смех может выступать формой переживания, средством корреляции образов «я» и «другого» в моем сознании. Форма «я», в которой я переживаю себя, в корне отлична от формы «другого», в которой я переживаю всех без исключения людей. И «я» другого человека совершенно иначе переживается мною, чем мое собственное «я». Другой человек переживается прежде всего как соприродный внешнему миру в его пространственной данности. Собственное «я» переживается как внутренняя активность, которая противостоит внешнему миру, не вмещаясь в него, и эта внутренняя активность не соотносима с пространственными, природными параметрами моего бытия. Она соотносима с миром свободы. Свобода проявляется в жизни человека, но ее истоки трансцендентны и сродни волевым импульсам. Вспомним, что свобода воли – Божественный дар человеку при его сотворении, который с самого начала подвергся испытанию. Полнота контроля проявлений свободы воли не исчерпывается только актуальной работой сознания, но более широко обусловлена мировоззренческой позицией человека, его отношением к действительности в целом. В силу этого в поле зрения попадают далеко не все факторы, мотивирующие проявления любых явлений душевной жизни человека, в том числе и смеха. Ясность, отчетливость, общезначимость содержание нашего сознания обретает в силу его определенности трехмерными условиями материального мира. Но в жизни человека имеют место такие события, которые не обусловлены его материально-предметным существованием и не поддающиеся общепринятому пониманию, о чем может сигнализировать смех.

Еще в древности и философы, и теологи свидетельствовали, что жизнь души не ограничивается материальными обстоятельствами. Сократ и Платон говорили о бессмертии души, об опыте ее жизни в мире идей. Вся тематика средневековой философии иницирована христологией, смысл которой открывается в событии Голгофы. И позже, столь осторожный в своих высказываниях И.Кант сказал, что человек – житель двух миров, мира природы и мира свободы. Но вопросы о духовной природе человека о его свободе наталкиваются на границы разума. «Я хорошо знаю, что мышление и воля приводят в движение мое тело, но я никогда не могу это явление, как простой опыт. Путем расчленения свести к какому-либо другому явлению, – я могу его, правда, познать, но не могу уразуметь. Что моя воля движет моей рукой, – это для меня не более понятно, чем если бы кто-нибудь сказал, что она может также задержать движение Луны. Вся разница здесь только в том, что первое я узнаю из опыта, а второе никогда мне не приходило на ум. Я познаю в себе как субъекте, который живет, разные изменения, а именно мысли, волю и другое, и так как все эти определения совершенно отличны от того, что в целом составляет мое понятие тела, то я справедливо допускаю некоторое нетелесное и постоянное существо. Но будет ли это существо мыслить и без связи с телом, об этом нельзя умозаключать на основании его свойств, познанных на опыте» (2, с. 351-352).

Для предположения о том, что любые феномены человеческого сознания, в том числе и смех, могут иметь источником не только впечатления внешнего материального мира, но и мира духовного (невидимого), достаточно было бы обратиться к идеям представителей религиозной философии. Религиозная литература, опираясь на Святое Писание и свидетельства Отцов Церкви, говорит о том, что источником различных проявлений нашей душевно-духовной жизни может быть не только активность нашего «Я», не только воздействия предметов природы или других людей, но и существ как высшей небесной иерархии, так и существ мира падших духов.

В средние века в качестве персонажей смеховой культуры падшие духи издавна становятся постоянными участниками народных карнавалов, мистерий, буффонадных спектаклей. Из несоответствия масштабов вселенского зла и его присутствия в обыденной

атмосфере земной жизни рождался специфический комизм духа тьмы. Смех вызывают попытки нечистой силы строить все новые планы, которые, как правило, проваливаются при попытках их конкретного воплощения. И такой смех символизировал надежду на победу над злом.

Православная литература указывает, что смех типичен и любим в безбожном мире. И если слезы ведут христианина по пути спасения, то, очевидно, смех ведет его в противоположную сторону. Но от смеха надо отличать веселость и безобидные шутки, которые помогают сохранить бодрость и предохраняют человека от уныния. Архиепископ Иоанн (Шаховской) различает два вида смеха: светлый и темный. Их можно различать по глазам смеющегося. Грязный смех бывает всегда после анекдота, после какой-нибудь насмешки над гармонией мира. Искривляемая гармония мира искривляет душу человека, и это выражается в кривлении черт лица. «Анекдотический смех», который легко осмеивает ближнего, для увеселения, без смысла и тщеславно смешивает других, все это – симптом болезни духа. «Едкий смех» – не от Бога. Добрым же смехом можно развеять тучи ненависти, восстановить дружбу. Благодатная улыбка есть зеркало найденной гармонии. Святые улыбаются не смеясь. Смех как полнота чистой радости есть состояние будущего века. «Радуйтесь, веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах»(1, 5; 12). Чисто смеются святые и дети. Высшая похвала человеку – сказать: « У него детский смех»... смех непорочный, близкий к райской гармонии.

Для философии определения «светлый», «темный», «едкий», «грязный» применительно к смеху воспринимаются как метафоры или символы с неопределенным значением, которые могут не иметь общезначимого смысла, так как их денотаты могут восприниматься в душе разных людей по-разному, порой даже диаметрально противоположным образом. Это позволяет предполагать, что гносеология с ее предметно-объективистскими критериями обоснованности суждений или же попытками описать путь, методы работы направленного на свой объект сознания при столкновении с феноменом смеха попадает в затруднительное положение. Смех в душе человека возникает не в поле зрения направленной мысли, но как импульс, прерывающий ход, течение мысли, меняющий ее смысл. Такой импульс подобен «кванту энергии», придающему мысли «светлую» или «темную» окраску и по своему характеру ближе к проявлению воли или же какому-либо внутреннему чувству, наполняющему душу или легкой радостью, или жесткостью и сухостью. Истоки же многообразия внутренних чувств во многом трансцендентны по отношению к точке «здесь» и «теперь» как точке рождения смеха. Но можно полагать, что они сродни тому, чем наполняет человек свою жизнь, какого рода ценности он выбирает. И только апостериори, при внимательном отношении к тому, на что направлены мысли, человек может понять, что для него важно по той или иной ситуации, породившей в его душе смех.

1. Евангелие от Матфея.

2. И. Кант. Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики//Кант И. Соч.: в 6 т. – Т.2. – М., 1964.